

Научный поиск: личность, образование, культура. 2023. № 2. С. 57–66.
Scientific search: personality, education, culture. 2023. No. 2. Pp. 57–66.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 821.161.1(581)

ББК 83.3(2Рос=2Рос)+83.3(5Кит)

DOI: 10.54348/SciS.2023.2.11

«Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина в китайской интерпретации

Борис Вадимович Кондаков¹, Татьяна Дмитриевна Попкова², Чжан Юаньюань³, Чао Анти⁴

¹ Университет МГУ–ППИ в Шэньчжэнь, Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

^{2, 3, 4} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ laokong10@gmail.com, ORCID iD: 0000-0002-1727-8047

² tatyana3@mail.ru, ORCID iD: 0000-0003-0267-217X

³ zyujudith@qq.com, ORCID iD: 0000-0002-8996-6885

⁴ chaoanti12@gmail.com

Аннотация. В статье представлен историко-функциональный анализ интерпретации «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, предложенный китайскими студентами, в котором отразились особенности мировосприятия, характерного для национальной культуры. Целью статьи было выявление особенностей китайского восприятия классических текстов русской культуры. Увиденные студентами варианты описания образов главных героев сказки (рыбака, его жены и золотой рыбки) в контексте семейных коллизий, с одной стороны, привлекают своей парадоксальностью, однако, с другой стороны, позволяют выявить некоторые характерные особенности китайского национального менталитета. В рассматриваемой интерпретации происходит переакцентуация ситуаций и образов персонажей сказки, выразившаяся в особом внимании, которое было уделено морально-этическим отношениям и проблемам в семье рыбака, выявлению их «поведенческих комплексов», а также отразилось воздействие отдельных идей (например, связанных с эмансипацией), характерных для стремительно глобализирующегося мира XXI в. В статье высказывается предположение, что на восприятие студентами оказывали воздействие китайские сказки с близкими сюжетами и похожими персонажами. Подобное прочтение сказки позволяет показать огромный «интерпретационный потенциал» содержания пушкинского произведения и по-новому оценить его нравственно-этический компонент.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке», Китай, интерпретация, перевод, образ.

Для цитирования: Кондаков Б.В., Попкова Т.Д., Чжан Юаньюань, Чао Анти. «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина в китайской интерпретации // Научный поиск: личность, образование, культура. 2023. № 2. С. 57–66. <https://doi.org/10.54348/SciS.2023.2.11>

CULTUROLOGY

Original article

“The tale of the fisherman and the fish” A.S. Pushkin in the Chinese interpretation

Boris V. Kondakov¹, Tatyana D. Popkova², Zhang Yuanyuan³, Chao Anti⁴

¹ Shenzhen MSU–BIT University, Shenzhen, People's Republic of China

^{2, 3, 4} Perm State National Research University, Perm, Russia

¹ laokong10@gmail.com, ORCID iD: 0000-0002-1727-8047

² tatyana3@mail.ru, ORCID iD: 0000-0003-0267-217X

³ zyujudith@qq.com, ORCID iD: 0000-0002-8996-6885

⁴ chaoanti12@gmail.com

Abstract. The article offers a historical and functional analysis about the interpretation of "The Tale of the Fisherman and the Fish" by A.S. Pushkin, proposed by Chinese students, in which the peculiarities of the worldview characteristic of the national culture were reflected. The purpose of the article was to identify the peculiarities of how Chinese perceive Russian culture's classical texts. The options presented by the students for describing the images of the fairy tale's main characters (the fisherman, his wife and the goldfish) in the context of family collisions, on the one hand, attract with their paradoxical nature, on the other hand, they allow us to identify some characteristic features of the Chinese national

mentality. In this interpretation, there is a re-accentuation of the situations and images presented in the fairy tale, in which special attention paid to moral and ethical relations and problems in the fisherman's family, the identification of the characters' "behavioral complexes", and also reflected the impact of individual ideas (for example, those related to emancipation) characteristic of XXI century's rapidly globalizing world. The article suggests that students' perception was influenced by Chinese fairy tales with similar plots and similar characters. Such a reading of the fairy tale allows us to show the huge "interpretative potential" of the content of Pushkin's work and to evaluate its moral and ethical component in a new way.

Keywords: A.S. Pushkin, "The Tale of the Fisherman and the Fish", China, interpretation, translation, image.

For citation: Kondakov B.V., Popkova T.D., Zhang Yuanyuan, Chao Anti. "The tale of the fisherman and the fish" A.S. Pushkin in the chinese interpretation. *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura = Scientific search: personality, education, culture*. 2023. No. 2. Pp. 57–66. (In Russ). <https://doi.org/10.54348/SciS.2023.2.11>

Актуальность. А.С. Пушкин – писатель, который нередко представляется «вечно актуальным», однако само конкретное содержание его «актуальности» непрерывно изменяется, а его произведения, увиденные с различных точек зрения, раскрываются новыми гранями. Наиболее подходящими для анализа оказываются тексты, в которых изначально автором заложена наличие нескольких оболочек смысла, то есть приближающиеся к жанру *притчи*, заключающие в себе нравственное поучение, выраженное в иносказательной форме. Особенно интересным оказывается вопрос, *какое именно* морально-этическое содержание могут увидеть в сказке представители разных национальных культур.

В такой ситуации, как отмечал М.М. Бахтин, «в самом образе начинает звучать незавершенная беседа; образ становится открытым, живым взаимодействием миров, точек зрения, акцентов. Отсюда – возможность переакцентуации такого образа, возможность разных отношений к звучащему внутри образа спору, разных позиций в этом споре и, следовательно, разных истолкований самого образа. Образ становится многозначным, как символ», и такие «неумирающие» образы, «живущие в разные эпохи разной жизнью» становятся «необходимым и органическим дальнейшим развитием этого образа, продолжением заложенного в нем незавершённого спора» [Бахтин 1998, с. 219–220].

«Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина – одно из наиболее известных произведений русского писателя. Заключённые в ней смыслы адресованы как детям, только начинающим осваивать тексты русской культуры, так и взрослым, которые могут увидеть в ней символические философские интерпретации. За почти два столетия, прошедших с момента её публикации, было написано большое количество работ, в которых содержались разные прочтения её текста.

Актуальность исследования сказки А.С. Пушкина обусловлена и наличием ряда не до конца прояснённых проблем. Дискуссионным до сих пор является вопрос об истоках её в культуре разных

народов. Считается, что в качестве основы сюжета своего произведения писатель мог использовать сказку «О рыбаке и его жене» [“Vom Fischer und seiner Frau” братьев В. и Я. Гримм, в свою очередь являющуюся литературной обработкой фольклорной немецкой (точнее, померанской) сказки, что было показано В.В. Сиповским [Сиповский, 1907]. Доказательством связи пушкинского произведения с текстом братьев Гримм является черновой вариант сказки, в котором жена рыбака становится Папой римским (именно такой эпизод присутствовал в немецкой сказке):

Воротился старик к старухе
Перед ним монастырь латинский
На стенах [латинские] монахи
Поют латынскую обедню.

Перед ним вавилонская башня
На самой верхней на макушке
Сидит его старая старуха
На старухе сарочинская шапка
На шапке венец латынский.

[Бонди, 1931, с. 53–58].

Этот фрагмент интересен как гротескным описанием старухи, так своим «мультикультурным» наполнением – соотнесенностью с самыми разными культурами: в ней упоминается католическое богослужение, вавилонская башня и «сарочинская» (то есть мусульманская) шапка. В процитированном выше фрагменте текста можно увидеть и намёк на популярный в первой половине XIX в. фольклорный сюжет о «папессе Иоанне», который также был известен Пушкину [Пушкин Александр Сергеевич. Папесса Иоанна].

В.В. Сиповский отметил связь «Сказки о рыбаке и рыбке» с русскими народными традициями: «Чужая сказка <...>, попав в его руки, подчинилась его знанию и пониманию истинно-народной песни и претворилась в русскую сказку. Намёки, почерпнутые не у народа, а из книги, поэт развил, расцвел и облёк новою плотью... [Сиповский, 1907, с. 472]; «Глубокое понимание духа русской народной поэзии помогло Пушкину удачно выдержать состязание с народом в творчестве, – он су-

мел чужой сюжет оживить народным духом, *перевплотил чужое немецкое в родное русское...*» [Там же, с. 372].

Однако у сказки могли иметься и другие источники – прежде всего русские народные сказки: в указателе Аарне-Андреева сюжет о золотой рыбке указан под номером 555 [Андреев, 1929, с. 42]. Можно отметить и то, что сюжет о «золотой» рыбе (или похожий – с другим чудесным помощником) был известен не только на Западе – во Франции, Швеции, Польше, Чехии, Хорватии, но и на Востоке, – в частности, в Индии, Японии, Малайзии, Индонезии, Китае. Например, в индийском варианте сюжета, использованном в «Ведах», рыбке (являющуюся воплощением бога Вишну) вылавливает мудрец Ману, который по её просьбе, расширяет степень свободы по мере увеличения размеров рыбы, помещая её в кувшин, озеро и, наконец, в море. После того, как Ману успешно проходит испытание, Вишну предупреждает его о грядущем потопе и присылает большой корабль для спасения мудреца, а также других живых существ и растений.

Не исключён вариант, что русский поэт мог получить информацию о китайской сказке о Золотой Рыбе от своего хорошего знакомого архимандрита Иакинфа Бичурина, много лет прожившего в Китае и хорошо знавшего китайскую культуру. Такие сравнительно-исторические аналогии ещё раз иллюстрируют тезис Ф.М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» творчества А.С. Пушкина.

Методы и организация исследования. Жизнь художественного произведения связана с непрерывной трансформацией его смысла, которая приводит как к утрате некоторой части содержания, так и к обретению нового значения, появлением новых пластов текста.

В основу исследования положен *историко-функциональный метод*, основные принципы которого были заложены в трудах Э. Геннекена, А.Н. Веселовского, Н.А. Рубакина, Р.О. Якобсона, А.И. Белецкого И.Н. Розанова, М.М. Бахтина, а сам термин был обоснован в 1970-е гг. М.Б. Храпченко. Историко-функциональный метод предполагает рассмотрение произведения искусства в социокультурных контекстах, созданных в разные эпохи, а также в соотношении его текста с горизонтами разнообразных читательских ожиданий, сформировавшихся как в ближайшем и отдалённом прошлом, так и в потенциальном будущем. Метод предполагает описание и изучение эстетических и этических функций, которые реализуются в процессе его восприятия разными представителями общества, сопровождаемое анализом представлений адресата.

Основной целью данного исследования было

выявление особенностей китайского восприятия классического текста русской культуры – изучение того, как русская литературная сказка «функционирует» в восприятии современных китайских читателей и как на это восприятие воздействуют традиции национальной (весьма далёкой от русской) культуры и факторы современной глобализирующейся культуры.

Выводы делались на основании *материала*, полученного в результате письменного опроса китайских студентов. Авторы статьи исходили из *гипотезы*, что китайские студенты, скорее всего, не имели представления о культурно-исторических корнях сказки Пушкина, и их восприятие данного произведения определялось как «первичными» впечатлениями от знакомства с текстом Пушкина, так и ассоциациями, обусловленными китайской культурной традицией (в том числе современной идеологией) и личными обстоятельствами их жизни.

В статье также использовались некоторые публикации китайских исследователей-пушкинистов, посвящённые «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.

Китайские читатели познакомились с литературным творчеством великого русского поэта в начале XX в. Произведения А.С. Пушкина получили большую известность в Китае. Поскольку в этот период в Китае было мало людей, владеющих русским языком, переводы произведений русских писателей осуществлялись чаще всего через японский, английский или немецкий язык.

Следует отметить, что во всех первых переводах произведений русских писателей на китайский язык было много неточностей, обусловленных как наличием языка-посредника, так и стремлением приспособить текст иной культуры к восприятию непонятных для китайских читателей реалий иной культуры [Лю Янькунь, Кондаков, 2018].

Первые переводы пушкинских сказок были опубликованы в Китае ещё в 1930-е гг. Так, в опубликованном в Шанхае сборнике, посвящённом 100-летию со дня смерти поэта [Антология, 1937], перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» осуществил один из самых известных китайских переводчиков пушкинских сказок Мэн Шихуань; тогда же появились и первые комментарии к ним, в которых была кратко описана история создания сказочных стихов, отмечено воздействие на них русского народного творчества и показаны особенности трансформации в творчестве Пушкина фольклорных образов и сюжетов. В дальнейшем переводы сказок издавались регулярно.

После основания Китайской Народной Республики исследователи сосредоточились преимущественно на *идеологическом* и *дидактическом* содержании сказок и на их интерпретации с точки зре-

ния *морали*. Китайские литературоведы подчеркивали, что в сказках Пушкина представлены образцы идеального поведения людей, раскрыты их положительные качества – мужество, честность, доброта и находчивость, – и осуждены противоположные свойства характера – трусость, лживость, склонность к обману, ревность, себялюбие и жадность, а также они выражали убеждение в том, что справедливость должна всегда побеждать зло.

В качестве примера можно назвать работы «Исследование “Сказки о рыбаке и золотой рыбке”» Лю Юаньшу [Лю Юаньшу, 1957], «Глубокое воспитание и художественное наслаждение: после прочтения “Сказки о рыбаке и золотой рыбке” Пушкина» Чэнь Бочуэя [Чэнь Бочуэй, 1957], «Немного о сказках Пушкина» Ли Вэньшэна [Ли Вэньшэн, 1955].

Так, например, в книге Лю Чуня «Гендер и власть в сказках: толкование “Истории Рыбака и Золотой Рыбы” Пушкина» сюжет произведения интерпретировался с позиций «философии жизни» – отношений между природой и людьми. Автор отметил, что для современного китайского читателя в сказках Пушкина присутствуют смыслы, которые сегодня невозможно полностью понять и адекватно интерпретировать, – например, такие понятия, как «вина» и «невиновность» [Лю Чунь, 2003].

Сказки, написанные А.С. Пушкиным, стали очень популярны в Китае. «Сказка о рыбаке и рыбке» оказалась особенно любимой китайскими читателями. Она переводилась на китайский язык свыше 20 раз (по данным на 2015 г.).

Среди наиболее известных переводов «Сказки о рыбаке и рыбке» можно назвать работы, авторами которых стали Вэнь Пэйюнь (возможно, в 1933), Мэн Шихуань (1937), Гэ Баоцюань (1937, 1959, 1980), Сюй Сяокунь (1979), Фэн Чунь (1979) и многие другие.

«Сказка о рыбаке и рыбке» (так же, как и другие стихотворные сказки) переводилась в Китае не как поэтический (стихотворный), а как *прозаический* текст, что накладывало свой отпечаток как на содержание перевода, так и на специфику постановки в нём нравственных и философских проблем. Мысли, высказанные русским писателем, оказались близки и понятны китайским читателям: «Сказка о рыбаке и рыбке», с одной стороны, – это история жизни «обычного» человека; с другой стороны, это философское произведение, демонстрирующее, что всё в мире должно соответствовать законам бытия, которые не должны нарушаться людьми, поскольку их необдуманные действия могут привести не только к добру и счастью, но и, наоборот, к разрушению гармонии мира.

Для современного китайского читателя в пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» могут быть скрыты смыслы, не очевидные для российского

читателя. В ней они могут увидеть как указание на порочные качества, характерные для человеческой природы, скрытую от чужих глаз истинную суть человека и сложные внутрисемейные отношения; так и обнаружить нарушение законов природы, описание экономической незрелости семейного уклада, приводящего к пассивному и потребительскому восприятию жизни...

В Китае существуют несколько сказок о Рыбаке и Золотой Рыбе – «Золотая рыба» [Китайские и корейские сказки, 2002, с. 52–60], «Народная сказка: Фея-Золотая рыба воздаёт за добро» [Народная сказка: Фея-Золотая рыба...], «Отворитесь, ворота каменные» [Сказки Китая, 2007, с. 175–182], «Девушка-камп» [Там же, с. 91–97], «Старый Рыбак» [Глаза дракона, 1959, с. 313–318] и др.

В первой из них Золотая рыба – царица реки Янцзы – в награду за своё освобождение дарит рыбаку по имени Гуань три своих пера: одно нужно положить под циновку (это перо превращается в девочку с золотистыми волосами, ставшую для рыбака и его жены дочерью), а два других пера, превратившиеся в цветок (лилию) и маленькую золотую рыбку, отражают эмоциональное состояние девочки и обеспечивают её связь с силами природы и Золотой рыбой. В этой сказке – в отличие от немецкой и русской (пушкинской) – жена рыбака не является главным персонажем, не проявляет своей индивидуальности, поэтому и не оказывает влияние на развитие сюжета. Причиной развития событий оказывается желание рыбака Гуаня, которым овладела жажда чрезмерной наживы («блеск золота»), в результате чего он нарушает установленный Золотой рыбой запрет и отдаёт дочь замуж за дракона – повелителя Жёлтого моря, – а вернуть её обратно в мир живых людей ему удаётся только при помощи Золотой Рыбы, вступающей в битву с драконом.

Во второй сказке описывается чудесное исцеление сына премьер-министра – Ли Цзысюаня – благодаря помощи золотой рыбки, которую мальчик в детстве сначала поймал, а потом отпустил. На самом деле золотая рыбка оказывается прекрасной феей, которая таким образом смогла отблагодарить своего спасителя.

В третьей сказке описывается, как бедный рыбак Ху Сы получает от птицы-рыболова золотую рыбку и из жалости отпускает её в море. В благодарность за его доброту отец рыбки – могущественный старец с белой бородой (золотая рыбка является его сыном) – выполняет желание рыбака (получить хорошую лодку и сети, чтобы обеспечивать семью своим трудом) и даёт ему зелёный стебель гаоляна, при помощи которого рыбак попадает в чудесную страну, вход в которую расположен между гор Имэн в провинции Шаньдун. Попав в этот рай, рыбак не покладая рук трудится и поэто-

му живёт безбедно. Настойчивое стремление жены рыбака получить власть и богатство заставляет их покинуть чудесную горную страну и возвратиться в обычный земной мир, в котором за время их отсутствия прошло несколько столетий. Однако, перейдя границы между двумя мирами, рыбак и его жена обнаруживают, что золото и серебро, которые они взяли с собой, превратились в обычные камни... Вернуться в чудесную страну они уже не могут и с досады убивают себя, а их души воплощаются в двух птичках-«аохэнняо» – «птички грусть-досада». Птички летают над горами Ишань и кричат: «Жэаохэньсыла!» – «Очень досадно!»).

Общим для всех этих сказок является ситуация спасения одним из персонажей золотой рыбки, которая стремится отблагодарить своего избавителя. Как понятно из этих сюжетов, в китайских сказках большую роль играют *этические* категории: доброта, трудолюбие и бескорыстие – с одной стороны, – и жадность, властолюбие и жестокосердие – с другой.

В китайской традиционной культуре представление о рыбе связано со множеством символических смыслов. Само название рыбы, данное, как считают китайцы, мифологическим императором Фу Си, буквально обозначает «спрятавшиеся жертвы». Рыба была символом богатства и изобилия, обновления, освобождения от ограничений. «Поскольку рыба счастлива в своей стихии, она воспринимается <...> как эмблема гармонии, а также брачных связей. <...> Изображение пары рыб воспринимается как счастливый семейный союз, особенно в сексуальном плане» [Уильямс, 2011, с. 366]; традиция освобождения рыбы (возвращения её в родную стихию) сопровождает многие китайские религиозные церемонии. Поэтому образ золотой рыбки в сказке связан с мотивами жертвы, обретения богатства, обретения семейной гармонии.

Сюжеты этих китайских сказок (или, по крайней мере, одной из них), как можно предположить, были известны китайским студентам, и представления об их персонажах могли воздействовать на восприятие ими произведения Пушкина.

Анализ результатов исследования. Приведём в качестве примера некоторые интерпретации образов персонажей этой сказки, сделанные китайскими студентами. Авторами этих интерпретаций являются китайские студенты-бакалавры, обучающиеся в Пермском государственном национальном исследовательском университете по направлению «Филология» (профиль «Русский язык и литература»), которым было предложено познакомиться со «Сказкой о рыбаке и рыбке» и высказать мнение по поводу текста, которого они ранее не читали (как на русском языке, так и на китайском).

Предложенные ниже описания представляют отредактированные и сведённые в единый текст интерпретации, высказанные китайскими студентами по поводу содержания сказки Пушкина. Близость их мнений (в некоторых ситуациях) обусловлена сходством выраженных в них смысловых контекстов произведения. Некоторые оценки, принадлежащие разным студентам, противоречат друг другу, но в целом выражают единую позицию. Высказывания сгруппированы вокруг образов персонажей сказки.

1. Образ Рыбака. Главным героем сказки является рыбак, вызывающий у читателя сочувствие: это слабый мужчина, оказавшийся под властью женщины, которая всячески подчёркивает его неспособность в семейной жизни. Отношения между рыбаком и его женой напряжённые: он трудолюбив, но боязлив и послушен, а его жена высокомерна, властна и ненасытна в своих желаниях. Подобные ситуации – не редкость в семейной жизни; наиболее распространённая их причина – личностные качества супругов. Когда слабый мужчина и сильная женщина становятся мужем и женой, женщина, как правило, подчиняет себе мужчину и становится в семье главной. Последствия такого диссонанса проявляются и за стенами дома: оказавшись перед лицом внешнего мира, мужчина проявляет слабость характера и не решается просить чего-либо лично для себя, в то время как женщина диктует свои условия и требует безусловно-го подчинения.

Следует обратить особое внимание на то, что некоторые китайские читатели сделали вывод, что рыбак – очень мудрый человек, понимающий и принимающий жизнь такой, какая она есть. Его мировоззрение и мировосприятие близки к даосскому: главное, что ему нужно от мира, – это *покою*, а слова и поступки жены постоянно возвращают его к *суэте* жизни («Не даёт старику мне покою» [Пушкин, 1968, с. 394, 395, 396]).

В человеческом обществе брак представляет собой договорные отношения, в которых каждый должен приносить равный вклад в семью. Когда вклад мужчины недостаточен, он чувствует себя виноватым и поэтому постоянно просит прощения, таким образом принося женщине свои извинения. Рыбак, возвращаясь домой без улова, оставляет свою семью без еды. В этой ситуации мужчина неизбежно теряет уважение как со стороны жены, так и сам к себе.

В подобных семейных отношениях нередко возникает дисбаланс и в сексуальной сфере. «Задолженность» мужчин в интимной жизни часто скрывается под видимостью благополучной жизни; при этом сексуальная неудовлетворённость жены часто оказывается невыраженной. Эти проблемы во многих случаях являются закрытой те-

мой, которую муж и жена между собой не обсуждают. В результате сексуальная несостоятельность мужа выглядит в глазах женщины недопустимой слабостью, а неудовлетворенность жены постоянно проявляется в большом количестве претензий, в том числе и в несправедливом обвинении мужа в тирании. Эта ситуация – очевидная причина разногласий мужчины и женщины, поскольку у рыбака и его жены – несмотря на то, что они прожили вместе 33 года (то есть в момент описываемых событий им, вероятно, должно было быть около 50 лет), – не было детей.

Несмотря на то, что рыбаку каким-то образом удаётся содержать семью, жена занимает жёсткую позицию и подавляет его, отказывая ему в любой просьбе при всякой попытке получить то, что он заслуживает по праву. В этой ситуации мужчина воспринимается в качестве слабого семейного партнёра. Различия в поведении супругов способствуют развитию тирании женщин в семейной жизни, что вынуждает мужчин безропотно выполнять все требования супруги.

«Послушание» мужчины в доме часто обусловлено его низким социальным статусом: если он не способен материально обеспечить свою семью, то он не имеет права «поднять голову» перед своей женой.

Как резюмируют студенты – таким образом складывается «комплекс рыбака», в котором отражается слабость и несостоятельность мужчины как главы семьи, взявшего на себя ответственность за обеспечение её жизнедеятельности.

2. Образ Жены Рыбака. Жизнь жены рыбака является типичным примером непростой человеческой судьбы. Женщина постоянно всем недовольна, её просьбы-требования демонстрируют огромную жадность и стремление к беспредельной власти. Причина такого поведения кроется в несостоятельности её мужа, нищенском существовании и нерадостном семейном опыте.

Просить о лучшей жизни – не грех, не грех быть и недовольной несостоятельным мужем, не грех и мечтать о богатстве, – это все не «грехи», а *желания*, которые существуют в глубине души практически каждой женщины. Но в том случае, когда мечты и желания не ограничиваются никем и ничем, претензии приобретают «диктаторский оттенок», приобретают эгоистические черты, и воспринимаются как неконтролируемый каприз. В этом случае женщина неизбежно должна понести законное наказание.

Когда жену рыбака постигает справедливая кара – возвращение жизненной ситуации к исходной позиции, у читателей может возникнуть чувство жалости к женщине, всю жизнь мечтавшей о хорошей жизни: достигнув желаемого, она вновь оказывается в нищете, полной лишений и несправед-

ливых страданий – тяжёлой жизни замужней женщины, связанной узами брака с несостоявшимся мужчиной.

Жена рыбака живёт в такой атмосфере всю свою жизнь: она недовольна своим мужем; её угнетает чувство повседневной рутины, постоянного долженствования. Этот вид комплекса можно назвать «*комплексом жены рыбака*». «Комплекс жены рыбака» – это горькая доля женщины, разочаровавшейся в семейной жизни, от которой она ждала большего, чем обрела в реальности.

3. Образ Золотой рыбки. Маленькая Золотая рыбка попала в сети рыбака, скорее всего, не случайно: как следует из текста сказки, она обладала большим могуществом и вполне могла бы освободиться самостоятельно. Объяснить такую ситуацию можно только тем, что рыба попал в сеть рыбака именно поэтому, что она сама по каким-то причинам захотела вступить в диалог с мужчиной и оказать ему помощь. Не случайно рыбка вновь и вновь по зову рыбака приплывает из моря, выслушивает его просьбы и утешает.

Необычной является и другая ситуация: первое, о чём должны были бы попросить мужчина и женщина, не имеющие собственных детей, – о рождении у них сына или дочери, поскольку их возраст (с китайской точки зрения) вполне позволял им стать родителями. Однако ни рыбак, ни его жена почему-то не обратились к золотой рыбке с такой просьбой.

Ключом к объяснению такой ситуации может быть само словосочетание «золотая рыба»: в китайской традиции это детское имя, которое может быть дано мальчику или девочке. Из этого вытекает закономерное предположение о том, что в сказке иносказательно представлены отношения отца и сына (или дочери). В золотой рыбе могла воплотиться в новом рождении душа умершего ребёнка (погибшего, возможно, из-за каких-то поступков рыбака или его жены), и естественно, родитель по этическим причинам не мог обратиться к душе своего сына или дочери, воплощённой в теле рыбы, с просьбой о рождении у него нового ребёнка.

Возможны разные варианты жизненных коллизий, связанных с образом гипотетического сына / дочери рыбака: это мог быть умерший в раннем возрасте ребёнок; это могло бы быть дитя рыбака от его первой жены (в китайских семьях нередко детей от первого брака изолировали от новой семьи); он мог бы быть незаконнорожденным сыном рыбака (который заботился о нём в тайне от его бездетной жены, которая, узнав об отношениях своего супруга с ребёнком, могла шантажировать мужа и в конечном итоге погубить дитя); это мог быть ребёнок, однажды спасённый рыбаком, но всё равно в дальнейшем погибший...

Золотая рыбка искренне пытается помочь рыба-

ку и его жене, но всёвозрастающие потребности женщины неизбежно приводят к нарушению законов мира, а этого допускать нельзя.

Когда рыбак вызывает из моря Золотую рыбку, читатель понимает, что старику стыдно из-за того, что он транслирует непомерные требования своей жены, но при этом всё равно надеется на её помощь. В этой коллизии чувств выражается типичное «отцовское попрошайничество», обусловленное безысходностью ситуации и беспомощностью рыбака, не умеющего быть настоящим мужчиной.

В образе рыбака, вступившего в диалог с морем и с Золотой рыбкой, прочитывается «сила отношений» между «отцом, просящим у сына», и Вселенной. Отец стареет, он «задолжал» своей жене; единственный в мире человек, который может простить его, – это сын – последнее прибежище отца.

Золотая рыбка проявляет к рыбаку жалость. Она всемогуща как божество, царящее в море (или в воображаемом мире), но одновременно проявляет себя и как молодой человек, который хочет помочь своим родителям в реальном мире. Лёгким и приятным делом оказалось для Золотой рыбки выполнение первых просьб жены рыбака о новом корыте и новом доме: это как раз то, что любящий сын должен предоставить своим родителям. Сын / дочь (рыбка) без промедления соглашается выполнить просьбы, чтобы отплатить отцу добром: «Не печалься, ступай себе с Богом» – неоднократно повторяет Золотая рыбка [Пушкин 1968: 194-197]. Однако, когда требования женщины возрастают и она хочет получить не положенный ей Вселенной (её Дао) статус «вольной царицы», это воспринимается рыбкой как шантаж.

Лишив семью рыбака всего обретенного ранее, Золотая рыбка по сути оказывает рыбаку и его жене *духовную помощь*, показывая суетность попыток получить власть и тщетность материальных благ, что позволяет им обоим обрести мудрый покой, которого оказался лишён рыбак из-за непомерных амбиций жены.

«Сын» / «дочь» пытается помочь своим родителям, оказывая им благо и реализуя глубокое и мощное по своей силе сыновнее / дочернее чувство. Независимо от того, по какой причине это чувство проявилось, его можно назвать «*комплексом маленькой золотой рыбки*». Сыновья с таким комплексом всегда стараются сделать всё максимально возможное для своих родителей и надеются получить взамен от них похвалу и увидеть радость в их глазах. Это обусловлено конфуцианской идеей о необходимости выполнения детьми своего долга перед родителями.

Комплекс «маленькой золотой рыбки» может возникнуть и в результате отказа со стороны родителей от воспитания детей. Последствие того, что ребенок растёт как взрослый – самостоятельно, без

родительской заботы, – в дальнейшем выражается в его потребности помогать родителям: он хочет побороться за место, которое ранее он не занимал в семье: «Если родители в прошлом никогда не любили меня, то я надеюсь, что они смогут полюбить меня сегодня. Если родители никогда не удовлетворяли свои желания в прошлом, то я надеюсь, что они смогут это сделать сейчас. Если родители пренебрегали мной в прошлом, то, пожалуй, не станут игнорировать меня теперь». Этот комплекс становится мощной психологической силой, которая будет определять поведение сына (или дочери) в течение всей жизни.

4. Мечь мужчины женщине. Всё описанное в сказке похоже на сон. Рыбак, утомлённый упреками жены, уснул, и увидел чудесный сон, в котором легко решаются все его жизненные проблемы. Когда он просыпается, то понимает, что на самом деле ничего не изменилось: перед его женой всё то же разбитое корыто и старая изба. Когда мужчина недоволен женским высокомерием и боится жены, он может компенсировать свой страх, осуществляя мечь во сне. В реальности *сна* мужчина получает возможность в полной мере обеспечивать для своей жены достойную жизнь и удовлетворять её самые разные потребности и желания. Однако если она проявит ненасытность, то в таком случае получит заслуженное осуждение. Подобный сценарий сна освобождает мужа от гипотетических извинений и одновременно открывает ему путь для мести. С другой стороны, сон помогает рыбаку разобраться в себе и понять суетность жизни и бессмысленность претензий его жены.

Данный сюжет похож на сюжет древних китайских новелл «Волшебное изголовье» Шэнь Цици или «Правитель Нанькэ» Ли Гунцзо, в которых сон, увиденный человеком, помогает ему научиться отличать истинные ценности от ложных и найти правильную дорогу в жизни.

Сказка Пушкина – воплощение мечты мужчины-мстителя. Рыбак холоден и выражает затаённое презрение по отношению к жене. Он называет её «сварливой» [Пушкин, 1968, С. 395], «проклятой» [Пушкин, 1968, с. 399] бабой; утверждает, что она «вздурилась» [Пушкин, 1968, с. 396] и «бунтует» [Пушкин, 1968, с. 397] – а для Пушкина «бунт» – это худшее, что может проявиться в человеке (согласно конфуцианским канонам ссоры в семье также недопустимы). В поведении рыбака можно увидеть воплощение страха и недовольства мужчины по отношению к женщине, отражение логики развития мужских мыслей и чувств (от отвращения к жалости), его тайные, но при этом противоречивые мечты: сочувствие и безразличие, стремление сначала отомстить женщине, а потом простить её. В этом проявляется чувство снисхождения к женщине как к слабому и

зависимому от мужчины существу.

Выявление в глубинных слоях сказки «комплекса рыбака», «комплекса жены рыбака» и «комплекса маленькой золотой рыбки» позволяет отнестись к судьбе этих персонажей с глубоким сожалением и печалью.

Выводы. Китайские интерпретации образов пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» с позиций традиционного восприятия русского человека могут показаться необычными, однако они не противоречат тексту произведения и вполне логичны, если исходить из системы ценностей, характерных для китайского менталитета. Можно отметить, что бытовые подробности (исторические реалии русской жизни), имеющиеся в пушкинском тексте, и социальные проблемы не привлекли внимание студентов.

Интерпретация китайскими студентами золотой рыбки как сказочного персонажа – сына / дочери, по-видимому, может быть основана на образе золотой рыбы из одноимённой сказки, поэтому восприятие отношений старика и рыбки естественно укладывается в картину традиционных взаимоотношений родителя и ребёнка.

В китайском восприятии важным оказывается не сюжет, а отношения между людьми и принципы морали, проистекающие из отношения к живой природе: «Самыми важными связями в китайской морали считаются природные, внутренние связи. Эти связи отличаются от связей в западном представлении, это не внешние связи, установленные по договору. Внешние связи определяют нормы поведения человека согласно договорным отношениям», – отмечает китайский исследователь [Лу Юйле, 2023, с. 21]. Поэтому естественно, что современные студенты прежде всего обратили внимание на семью рыбака и на отношения, преобладающие в ней, а также на связанные с ними поведенческие «комплексы» персонажей.

Для традиционного китайского сознания особую важность всегда имели представления о справедливости и неотвратимости наказания за плохие поступки, чёткое выделение «положительных» и «отрицательных» персонажей, и именно на этом акцентировали своё внимание китайские студенты в пушкинской сказке.

Поскольку в традиционной конфуцианской системе ценностей особое место отводилось отношениям между родителями и детьми, то студенты сразу же отметили отсутствие в семье сына или дочери и именно этим фактом объяснили сложность в отношениях рыбака с женой, поскольку присутствие детей создаёт благополучную атмосферу в семье: «В естественных родственных отношениях между родителями и детьми заключена наивысшая бескорыстность. Строго говоря, нет таких родителей, которые не посвятили бы всю

свою жизнь детям. Большинство родителей бескорыстно отдают все свои силы и не просят ничего взамен; разумеется, бывают исключения, когда по прошествии времени люди требуют вознаграждение за свой вклад» [Там же, с. 23].

Наибольший интерес вызвал у китайских студентов образ рыбака: при этом они подчёркивали не его возрастной статус – «старик» (старость в китайских традиционных представлениях соотносилась прежде всего с уважением и мудростью), – а его пассивность, подчинение интригам со стороны его жены. С другой стороны, созерцательность героя связывалась с буддийскими и даосскими представлениями о необходимости достижения «покоя» как особой ценности жизни.

Для китайских читателей оказался необычным тип поведения рыбака: они отметили его бездействие, покорность непомерным требованиям жены (то есть то, что совершенно не характерно для традиционного китайского «мужского» поведения) – и это стало для некоторых из студентов свидетельством несостоятельности рыбака как мужчины. В то же время «чрезмерно активное» поведение жены рыбака и полное подчинение старика старухе оказалось воспринято в контексте идей эмансипации начала XXI в., которые противоречат конфуцианской семейной этике.

Несколько изменились в современном китайском восприятии и традиционные функции (понимаемые в соответствии с определением В.Я. Проппа) персонажей сказки [Пропп, 1998, с. 23–51]. В интерпретации китайских читателей основной акцент в образа старика переносится с функции просителя на функцию жертвы, старухи – с функции недостаточности (бедности) на функцию приказа, а золотая рыбка – наряду с традиционной функцией дарительницы – получает дополнительную функцию заботы...

Следует также отметить, что в интерпретациях студентами мотивов поступков персонажей сказки (рыбака, жены рыбака и рыбки) подчёркивалось наличие у них «комплексов», что может отражать тенденции современного «глобализированного» образа жизни: безответственность или пассивность поведения мужчины в семье, страсть женщин к незаслуженному материальному обогащению, чувство вины детей перед родителями.

Общими константами рассмотренных нами китайских и русской сказок выступают главные герои – рыбак, его жена и золотая рыбка, что ещё раз подтверждает композиционное единство волшебных сказок и близость функций их персонажей.

Предпринятый в статье анализ пушкинского произведения показывает, что изначально заложенные в тексте многокультурные векторы (отразившиеся в том числе и в его черновых вариантах) способствуют реализации имеющегося ин-

терпретационного потенциала. Открывшийся в гающая адаптацию текста под возможности культурного восприятия современными читателями глобальное культурное пространство текст предполагает наложение немецких национальных представлений на русские, а на них, в свою очередь, накладываются китайские смыслы и ценности.

Предложенное в работе прочтение сказки А.С. Пушкина через призму китайского мировосприятия вызывает не только неподдельный интерес (исходя из своей парадоксальности), но и потребность в более детальном и глубоком анализе двух, казалось бы, противоположных по своей ментальности народов – русского и китайского. В связи с этим сказки А.С. Пушкина могут иметь огромное количество смысловых контекстов, которые органично накладываются на традиционные даосские и конфуцианские представления и благодаря этому становятся созвучны представлениям китайского народа.

Дальнейшие перспективы исследования поставленной проблемы видятся в расширении спектра изучаемых интерпретаций сказок А.С. Пушкина. Культура Востока и существующая в Китае традиция относительно «вольных» переводов, предпола-

гающая адаптацию текста под возможности культурного восприятия современными читателями реалий «иной» цивилизации, предоставляет обширный материал для культурологического анализа. Живой интерес в этом плане представляют переводы произведений, осуществлённые на протяжении первой половины XX в., когда для абсолютного большинства китайских читателей требовалась существенная культурная адаптация содержания, без которой текст оказывался полностью «закрытым» и непонятным для адресата.

Осуществлённый в статье анализ интерпретаций «неквалифицированных» читателей (какими и были студенты, только начинающие свое «вхождение» в русскую культуру) может быть дополнен исследованием интерпретаций, предложенных наиболее квалифицированными и профессионально подготовленными читателями русской литературы в Китае – её переводчиками, каждый из которых создавал собственную версию текста, приспособив его к восприятию современными читателями.

Список источников

- Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград: Издание гос. рус. геогр. общества, 1929. 120 с.
- Антология в честь 100-летия со дня смерти Пушкина. Шанхай: Коммерческая пресса, 1937. 621 с.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Бонди С.М. Новые страницы Пушкина: Статьи, проза, письма. Москва: Мир, 1931. 268 с.
- Волшебный котёл: китайские народные сказки / сост. Ю.И. Горюлько-Шестопалов. Киев: Станица-Киев, 2002. 170 с.
- Глаза дракона: легенды и сказки народов Китая. Москва: Изд-во иностр. лит., 1959. 428 с.
- Жаткин Д.Н., Гришина О.С. А.С. Пушкин и Е.Б. Кульман в контексте русско-немецких литературных связей (еще раз к вопросу об источнике «Сказки о рыбаке и рыбке») // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С.278-284.
- Китайские и корейские сказки/ Обработ. для детей Н. Ходза. Ленинград: Газетно-журн. и кн. изд-во, 1955. 240 с.
- Ли Вэньшэн. Немного о сказках Пушкина // Знакомство с литературными книгами и периодическими изданиями. 1955. № 2.
- Лю Юйле. Духовные основы китайской культуры. ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук / Пер. с кит. Д.С. Топоровой, К.С. Титова, Н.Н. Рыбалко / науч. ред. А.И. Кобзев. Москва: ООО «Международная издательская компания «Шанс»; ООО «Китайское книгоиздательство», 2023. 392 с.
- Лю Чунь. Гендер и власть в сказках: толкование «Истории Рыбака и Золотой Рыбы» Пушкина // Вестник Суйчжоуского педагогического института. 2003. № 2 (18). С. 73–76.
- Лю Юаньшу. О «Сказке о рыбаке и золотой рыбке». 1957.
- Лю Янькунь, Кондаков Б.В. История любви Ми Ши и Ма Ли: первый перевод повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в Китае // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 90–100.
- «Народная сказка: Фея-Золотая рыба воздаёт за добро». URL: https://m.163.com/dy/article/GBTHCOGU0543W4KQ.html?spss=adap_pc (Дата обращения: 11.03.2023).
- Пахомова Е.П., Чжан Чжунмей. Сопоставление русских и китайских сказок: сюжет и образы (сюжет о золотой рыбке) // Поволжский педагогический вестник. 2018. Т. 6. № 4 (21). С. 125–127.
- Протт В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки / коммент. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой; сост., науч. ред., текстол. коммент. И.В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 1998. 511 с.
- Пушкин А.С. Папесса Иоанна. URL: <http://www.aleksandrpushkin.net.ru/print/sa/author/2608/> (Дата обращения: 01.03.2023).
- Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3: Стихотворения 1827–1836. Сказки. Москва: Художественная литература, 1968. 456 с.

- Сиповский В.В. Пушкин. Жизнь и творчество. Санкт-Петербург: Типография Санкт-Петербургского товарищества печ. и изд. дела «Труд», 1907. 658 с.
- Сказки Китая / пер. с кит., сост., предисл. Б. Рифтина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 400 с.
- Сумцов Н.Ф. Исследования о поэзии А.С. Пушкина. Харьков: Типо-лит. «Печ. дело», 1900. 350 с.
- Уильямс Ч. Китайская культура: мифы, герои, символы / Пер. с англ. С. Федорова. Москва: ЗАО Изд-во Центр-полиграф, 2011. 478 с.
- Чэнь Бочуэй. Глубокое воспитание и художественное наслаждение: после прочтения “Сказки о рыбаке и золотой рыбке” Пушкина. 1957.

References

- Andreev N.P. Index of fairy tales according to the Aarne system. Leningrad: Edition of the state. Russian geogr. society, 1929. 120 p. (In Russ).
- Anthology in honor of the 100th anniversary of the death of Pushkin. Shanghai: Commercial Press, 1937. 621 p. (In Chinese).
- Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. Researches of different years. Moscow: Fiction, 1975. 504 p. (In Russ).
- Bondi S.M. New pages of Pushkin: Articles, prose, letters. Moscow: Mir, 1931. 268 p. (In Russ).
- Magic cauldron: Chinese folk tales. Comp. Yu.I. Gorulko-Shestopalov. Kyiv: Stanitsa-Kyiv, 2002. 170 p. (In Russ).
- Dragon eyes: legends and tales of the peoples of China. Moscow: Izd. lit., 1959. 428 p. (In Russ).
- Zhatkin D.N., Grishina O.S. A.S. Pushkin and E.B. Kulman in the context of Russian-German literary relations (once again to the question of the source “Tales of the Fisherman and the Fish”). *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*. 2008. No. 1. Pp. 278-284. (In Russ).
- Chinese and Korean fairy tales. Edited. for children N. Hodza. Leningrad: Newspaper-journal. and book. publishing house, 1955. 240 p. (In Russ).
- Li Wensheng. A little about Pushkin's fairy tales. *Acquaintance with literary books and periodicals*. 1955. No. 2. (In Chinese).
- Lu Yule. Spiritual foundations of Chinese culture. FGBUN Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences / Per. with whale. D.S. Toporova, K.S. Titova, N.N. Rybalko / scientific. ed. A.I. Kobzev. Moscow: OOO International Publishing Company Chance; China Book Publishing LLC, 2023. 392 p. (In Russ).
- Liu Chun. Gender and Power in Fairy Tales: An Interpretation of Pushkin's History of the “Fisherman and the Golden Fish”. *Vestnik Syujchzhouskogo pedagogicheskogo institute = Bulletin of the Xuzhou Pedagogical Institute*. 2003. No. 2 (18). Pp. 73–76. (In Chinese).
- Liu Yuanshu. About “The Tale of the Fisherman and the Goldfish”. 1957. (In Chinese).
- Liu Yankun, Kondakov B.V. The love story of Mi Shi and Ma Li: the first translation of the story by A.S. Pushkin "The Captain's Daughter" in China. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*. 2018. No. 3. Pp. 90–100. (In Russ).
- “Folk Tale: The Golden Fish Fairy repays good”. URL: https://m.163.com/dy/article/GBTHCOGU0543W4KQ.html?spss=adap_pc (Date of application: 11.03.2023). (In Chinese).
- Pakhomova E.P., Zhang Zhongmei. Comparison of Russian and Chinese fairy tales: plot and images (plot about a goldfish). *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik = Volga Pedagogical Bulletin*. 2018. Vol. 6. No. 4 (21). Pp. 125–127. (In Russ).
- Propp V.Ya. Morphology of the “magic” fairy tale. Historical roots of a fairy tale / comment. E.M. Meletinsky, A.V. Rafeva; comp., scientific. ed., textol. comments I.V. Peshkov. Moscow: Labyrinth, 1998. 511 p. (In Russ).
- Pushkin A.S. Popess John. URL: <http://www.aleksandrpushkin.net.ru/print/sa/author/2608/> (Date of application: 01.03.2023). (In Russ).
- Pushkin A.S. Collected Works: in 8 vols. Vol. 3: Poems 1827–1836. Fairy tales. Moscow: Fiction, 1968. 456 p. (In Russ).
- Sipovsky V.V. Pushkin. Life and art. St. Petersburg: Printing house of the St. Petersburg Association pech. and ed. cases “Труд”, 1907. 658 p. (In Russ).
- Tales of China / trans. from Chinese, comp., foreword. B. Riftingina. Ekaterinburg: U-Factoria, 2007. 400 p. (In Russ).
- Sumtsov N.F. Research on the poetry of A.S. Pushkin. Kharkov: Tipo-lit. “Печ. business”, 1900. 350 p. (In Russ).
- Williams Ch. Chinese culture: myths, heroes, symbols /Trans. from English. S. Fedorova. Moscow: CJSC Publishing House Center-polygraph, 2011. 478 p. (In Russ).
- Chen Bochuei. Deep education and artistic pleasure: after reading Pushkin's Tale of the Fisherman and the Goldfish. 1957. (In Chinese).
- Статья поступила в редакцию 21.03.2023; одобрена после рецензирования 31.03.2023; принята к публикации 07.04.2023.
- The article was submitted 21.03.2023; approved after reviewing 31.03.2023; accepted for publication 07.04.2023.